

Николай Михайловский

Об отцах и детях и о г-не Чехове

Николай Михайловский

Об отцах и детях и о г-не Чехове

«Public Domain»

1892

Михайловский Н. К.

Об отцах и детях и о г-не Чехове / Н. К. Михайловский — «Public Domain», 1892

ISBN 978-5-457-13108-8

О Чехове.

ISBN 978-5-457-13108-8

© Михайловский Н. К., 1892

© Public Domain, 1892

Николай Константинович Михайловский Об отцах и детях и о г-не Чехове

Между Н. В. Шелгуновым (в «Русской мысли») и газетой «Неделя» все еще тянется полемика, на которую я когда-то обратил внимание читателей «Русских ведомостей». Из мартовской книжки «Русской мысли» я узнал, что, по мнению «Недели», изложенному почтенною газетою в статье «Отцы и дети нашего времени», полемика эта «является только одним из эпизодов в тех бесконечных пререканиях, которые всегда ведут между собою отцы и дети». Дети – это «Неделя»... От «детей» мы привыкли ждать молодости, свежести, силы, даже некоторой бурности, а потому встретить в роли «дити» почтенного редактора «Недели» г-на Гайдебурова как будто и неожиданно немножко. Приглядываясь, однако, к «детям», представляемым «Неделей», мы не найдем тут ничего странного или удивительного. В той же мартовской книжке «Русской мысли» приведена следующая выписка из статьи «Недели», громко озаглавленной («Неделя» вообще любит громкие заглавия) «Новое литературное поколение». «Новое поколение (80-х годов) родилось скептиком, и идеалы отцов и дедов оказались над ним бессильными. Оно не чувствует ненависти и презрения к обыденной человеческой жизни, не признает обязанности быть героем, не верит в возможность идеальных людей. Все эти идеалы-сухие, логические произведения индивидуальной мысли, и для нового поколения осталась только действительность, в которой ему суждено жить, и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно прониклось сознанием, что все в жизни вытекает из одного и того же источника-природы, все является собою одну и ту же тайну бытия и возвращается к пантеистическому мирозерцанию».

Таковы современные «дети». Немудрено, что г-н Гайдебуров, «родившийся», может быть, и не «скептиком» и фигурирующий в литературе лет тридцать с лишком, находит себе место среди этих старообразных детей. Вообще, дело, очевидно, не в возрасте, и это очень удобно. Как только вы увидели человека, для которого «осталась только действительность», и который этим вполне доволен, так и знайте, что это «дитя», «новое поколение». Странные дети, можно сказать, небывалые дети, но если они сами себя так называют, так и господь с ними. И я могу с чистою совестью сказать: «О дети, дети, как опасны ваши лета!» Хотя дело и не в возрасте. Нынешние дети, или, собственно, те, которые так сами себя называют в «Неделе», не щеголяют обычными свойствами молодости; нет, они старше, солиднее своих отцов и дедов, а потому не стоят перед ними и опасности, обычно грозящие молодости, – опасности страстного увлечения, риска, горячей веры и надежды. Но та самоуверенность, которая в настоящей молодости является лишь естественным показателем избытка силы, не искушенной опытом, в них, в этих современных «детях», чревата иными опасностями. Полагая, что только и света, что в окошке, гордо отрезывая себя от идеалов отцов и дедов, даже от всяких идеалов, вполне довольствуясь «действительностью», эти люди обрекают себя на жизнь тусклую из тусклых. Они сознают это и не боятся: им как раз по плечу эта жизнь. Но в прежнее время они в этом не сознались бы публично, потому что ведь в самом деле стыдно, а ныне они заявляют свою тусклость всенародно. Они считают себя солью земли, ко торой мешает только какая-нибудь горсточка «отцов», оберегающих былые идеалы, а все остальное, дескать, с ними, готово признать их своими выразителями и вождями; они-«новое литературное поколение»... По существу дела, это только смешно. Возражая «Неделе», г-н Шелгунов справедливо говорит, что ссылка на тургеневскую формулу «отцов и детей» не имеет в данном случае никакого смысла. Современные «дети», то есть опять-таки те, которые сами себя так называют в «Неделе», отрекшаяся от идеалов отцов и дедов, не блистают ни таланта ми, ни знаниями, ни оригинальностью физиономии, ни даже численностью. Они представляют собою нечто вроде тусклого туманного пятна, расплывающегося

в общем фоне той апатии, бессодержательности, того отсутствия всякого присутствия, которое характеризует теперешнее трудное время вообще. Они только вторят течению реакции против идеалов недавнего прошлого, ничего нового и положительного им не противопоставляя и не обладая двусмысленным мужеством и последовательностью открытых реакционеров. Но трудное время пройдет, потому что это именно только вопрос трудного времени – может быть, и долгого, а может быть, совсем не долгого; волна реакции отхлынет, и я не поздравляю тех раков, которые останутся на мели. Вообще эти «дети» – явление до такой степени мизерное, что, может быть, г-н Шелгунов делает даже ошибку, уделяя им столько внимания. Но отметить его все-таки следует и именно в его связи с общим настроением минуты.

«Для нас существует только действительность, в которой нам суждено жить»; «идеалы отцов и дедов над нами бессильны» – эти подлежащие, сказуемые, определения и дополнения можно встретить не в одной «Неделе», а и в таких местах, где отнюдь не гоняются за наименованием «детей». Это то же самое «наше время – не время широких задач», которое когда-то громил и осмеивал Щедрин как нечто постыдное, а ныне оно расплодилось и осложнилось наклонностью к оплеванию многого из того, что еще недавно было общепризнано дорогим. Чем же это дорогое заменяется ныне?

Недавно я прочитал в одной большой газете неоднократное заявление, что «Островский устарел». Известие это меня очень заинтересовало. Я полагал, что Островский принадлежит к числу писателей, которые не стареют или, по крайней мере, живут так долго, что об их устарелости можно говорить только в том случае, если на смену им явилось что-нибудь особенно яркое и крупное. Должно быть, подумал я, наша драматическая литература сделала гигантские шаги после Островского, и надо мне с этой литературой познакомиться. Но это оказалось делом нелегким. Драмы Островского, равно как и некоторых других «отцов», как например, Писемского, Потехина, печатались в свое время в журналах. Ныне этого нет совсем, и когда я, наконец, достал несколько литографированных драматических произведений, имевших наибольший успех в прошлый театральный сезон, я понял, почему они литографированы, а не напечатаны в журналах! Как ни далеко отошли наши теперешние журналы от недавних преданий, но это все-таки литература, а те драматические произведения, которые я прочитал, не имеют ничего общего с литературой. Это истинно «детские» произведения и по форме и по содержанию. Время, породившее эти малости, любующееся на них (повторяю, я читал пьесы, имевшие наибольший успех, то есть чаще всего дававшиеся), может считать себя несчастным временем. И к этому, как ко всякому сознанному несчастью, можно, даже должно, отнестись с сочувствием. Как в самом деле не пожалеть этих бедных актеров, обреченных изображать не живых людей, а каких-то говорящих кукол и произносить речи либо совершенно бессмысленные, либо наполненные азбучною моралью; как не пожалеть и зрителей и самих авторов, выступающих с детскими вещами? Но если при этом говорят, что «Островский устарел», так уж это не сожаления, а смеха достойно.

Я хотел было предложить вам пересмотреть вместе со мной те пять-шесть новейших драматических произведений, с которыми я познакомился, но откладываю это до другого раза. Факт отсутствия драматической литературы во всяком случае налицо, и никто, я полагаю, с этим спорить не станет. А если бы «Неделя» или кто другой, довольный ходом дел вообще и «новым литературным поколением» в частности, и пожелал спорить, то я спросил бы: отчего же вы не печатаете этих прекрасных драм и комедий? Откладывая на неопределенное время беседу о новейшей драматической quasi-литературе, я лишаю себя большого развлеченья, потому что тут есть над чем посмеяться, хотя есть и погоревать об чем. Но с этим торопиться нечего, ввиду непререкаемости факта исчезновения драматической литературы. Ну и пусть радуются этому факту те, для кого «осталась только действительность, в которой им суждено жить, и которую они по тому и признали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.